

Читайте в серии
ДЕВИЧНИК.
ВМЕСТЕ О ЛЮБВИ

НАСТЯ ОРЛОВА, КАТЯ САММЕР

«На грани фолы»

«Твой номер один»

АВА ХОУП, ТАНЯ СВОН

«Лавина любви»

АННА БЕЛИНСКАЯ, МАРИЯ ЛЕТОВА

«Загадаю любовь»

Настя Орлова
Катя Саммер

Твой
номер
один

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Редактор серии Екатерина Дмитриева
Оформление серии *Екатерины Петровой*
Иллюстрация на переплете *Ана Ропе*
Иллюстрации на вклейках *Ксении Холь*

Орлова, Настя.

О-66 Твой номер один : роман / Настя Орлова, Катя Саммер. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-04-221808-8

ОН — ВТОРАЯ РАКЕТКА МИРА, ОНА — САМАЯ КРАСИВАЯ ТЕННИСИСТКА ИЗ РОССИИ. НОВОСТЬ ОБ ИХ РОМАНЕ ПОТряСЕТ ВСЕХ!

Вся жизнь Ани Филатовой посвящена теннису. Впереди у нее большое спортивное будущее, к которому она пробивает путь упорным трудом. Но все ее планы рушит наглый и самоуверенный Алекс Де Виль и провокационная статья в интернете.

Алекс Де Виль — плохой парень в мире спорта. Он крутой теннисист, брутальный красавец, у него миллионные рекламные контракты и толпы фанатов, готовых на все ради одной ночи со звездой. Не покоряется ему лишь статус первой ракетки мира. Но когда перед глазами маячит долгожданная победа, важным для него внезапно оказывается другое — стать первым в сердце Ани.

Когда на карту поставлена твоя карьера, есть ли рядом с ней место для настоящей любви?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

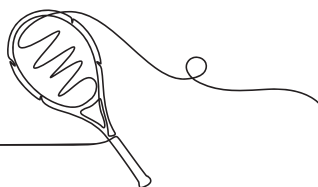
ISBN 978-5-04-221808-8

© Орлова Н., Саммер К., текст, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог АННА

23 июня, Лондон

— Объяснишь? — Подавив зевок, я растерянно смотрю на отца, который, словно раненый зверь, мечется по моему гостиничному номеру, размахивая «яблочным» планшетом. — Или мне теперь все новости о тебе предстоит узнавать подобным образом, а, Анна?

Упс, раз отец называет меня Анна вместо привычного Аннушка или Анюта, то дела мои плохи. Впрочем, он вряд ли примчался бы ко мне в такую рань, если бы его взволновала ерунда...

— А конкретнее? — уточняю осторожно, туже затягивая пояс халата, который успела накинуть прежде, чем броситься открывать дверь. Отец так тарабанил, что, наверное, разбудил всех соседей по этажу роскошной гостиницы в Лондоне, где я остановилась в преддверии старта Уимблдонского турнира.

— А ты не понимаешь? — рычит отец. Мне всегда казалось, что в свои чуть-за-сорок он похож на Тома Круза и даже симпатичнее его, но... не сейчас. С торчащими волосами, что рвет на себе, и раздувающимися ноздрями

он больше напоминает злого вампира, которого истязают дневным светом.

Я развожу руками, пытаюсь вычислить причину его состояния, но на ум не приходит ничего, кроме того, что накануне после вечерней тренировки я пропустила массаж. Отец очень серьезно относится к моей профессиональной рутине, но вряд ли эта вольность могла привести его в такое бешенство...

Обычно он у меня — само спокойствие. Даже во время самых напряженных матчей, когда я откровенно теряюсь на корте, держит эмоции при себе, так что видеть его в подобном состоянии для меня крайне непривычно.

— Это! — Отец останавливается в шаге от меня и тычет мне в лицо планшетом.

— Что... Ох! — Кровь ударяет мне в лицо, а желудок скручивается в тугой узел, стоит мне рассмотреть изображение на главной странице PageSix.

Там... я.

Самозабвенно занимаюсь сексом в туалете мужского теннисного Квинс-клуба.

Нет-нет, никакой обнаженки на снимке нет: с того ракурса, что поймал папарацци, видно лишь упругую мужскую задницу в белых модных боксерах и женскую ногу, которая уперлась в стену кабинки. Такая задница и нога могли бы быть у кого угодно, но, к сожалению, я знаю, кому они принадлежат. Нога, например, точно моя. И я это говорю не только потому, что у меня остались синяки в некоторых интимных местах после туалетного randevu, ставшего достоянием сплетников. Просто на фотке четко видны фирменные кроссовки с инициалами AF, то есть Anna Filatova. Они существуют в единственном экземпляре и пря-

мо сейчас стоят в прихожей моего гостиничного номера.

— Молодец, дочь! — с не свойственным ему сарказмом произносит отец, понимая, что я не спешу оправдываться. — Теперь все в туре обсуждают не только твои результаты на корте и суммы рекламных контрактов, но и то, с кем ты спишь!

— Ну тут я, очевидно, не сплю... — Пытаюсь пошутить, но свирепый взгляд папы заставляет меня проглотить остаток фразы.

— Еще и паясничаешь! Кто он?

Кто он? О, папа, раз уж ищайки PageSix за столько дней не разнюхали, то и тебе этого никогда не узнать...

— В тот день *это* было между нами в последний раз, — отвечаю уклончиво.

— То есть это было не в первый?! — изумляется он, глядя на меня так, будто видит впервые.

— Пап, мне почти двадцать! — возмущаюсь я. — Разумеется, у меня есть личная жизнь.

— Ты — публичный человек, черт возьми! Спортсменка. У тебя контракты. Ты хоть представляешь, что скажут спонсоры, когда увидят это? — беснуется отец, а потом разворачивает планшет к себе экраном и цитирует: — *«Восходящую теннисную звезду и девятую ракетку мира Анну Филатову застукали в туалете теннисного Квинс-клуба с мужчиной. Кто этот счастливчик? Делайте ваши ставки, дамы и господа»*. Предвкушаю, как уже сегодня запустят тотализатор не на результат твоего следующего матча, а на то, кто этот мужик!

— Ты драматизируешь... — начинаю я, пытаюсь утихомирить отца. — Кому какое дело?

— Я драматизирую?! — Отец в два шага преодолевает расстояние до окна и резким движением отодвигает плотные шторы. — Иди полюбуйся! По твою душу.

Выглянув в окно, я испускаю потрясенный выдох. На улице, возле входа в отель, собралась огромная толпа. Люди с камерами, фотоаппаратами, мобильными телефонами, какие-то группиз с плакатами...

— Может, в этом отеле Федерер остановился или Зендея с Томом Холландом? — предполагаю я, кусая губу. А что? Вполне вероятно. Мой секс в туалете просто не мог собрать столько зевак. Наверняка папарацци ждут рыбку покрупнее, чем теннисистка, которая недавно влетела в десятку мирового рейтинга.

— Аня Филатова тут остановилась, — язвит отец. — Находка для вуайеристов и новая звезда желтой прессы. Ты вообще знаешь, какие ползут слухи?

Задерживаю штору и, не глядя на папу, потому что стыдно, иду в спальню, чтобы взять телефон. Он на беззвучном до девяти утра: организаторы поставили мою первую официальную тренировку на двенадцать, я хотела выспаться, чтобы подойти к старту турнира свежей и отдохнувшей, но... что уж теперь.

Беру в руки трубку и даже теряюсь от шока. Десятки пропущенных звонков, сотни отметок в соцсетях и сообщения со ссылками... Очень много сообщений со ссылками на ту самую фотографию из туалета. Отец прав, эта статья не шутка, о которой можно забыть. Тут пахнет настоящим скандалом.

Со мной пытались связаться все — от знакомых и приятелей по туру до моего менеджера в модельном агентстве и руководителя пиара из компании-спонсора. Это только номера, забитые в мои контакты. Еще столь-

ко же — неизвестных. И один, который не записан, но намертво запечатлен в моей памяти. *Он* тоже звонил. Всего пару минут назад.

Дрожащими руками нажимаю кнопку вызова. Три секунды, которые кажутся мне вечностью, слушаю длинные гудки. Сердце колотится так, словно вот-вот пробьет клетку ребер и выскочит наружу. А потом...

— Ты где? — звучит в трубке голос с едва уловимым акцентом, от которого у меня все тело покрывается мурашками. — Надо поговорить.

Глава 1

АЛЕКС

Мельбурн, Australian Open
полгода назад, 12–26 января

— Да вы издеваетесь, — первые слова, которые я произношу, ступая по земле славного города Мельбурна, куда прилетел ради участия в Australian Open¹.

На VIP-парковку меня провожают в обход поджидающих папарацци, а там уже стоит спонсорский «Порше» с водителем. И все бы ничего, если бы не проклятый номер «002» на автомобильном знаке, который преследует меня. Впору поверить в конспирологию, на которой помешана моя мама, подозревающая Джей-Зи и Бейонсе в поклонении дьяволу.

«Всегда второй», — эхом проносится в голове.

Со злостью застегиваю фирменную ветровку с логотипом ADV под узнаваемым «крокодиллом» (Алекс Де Виль и Lacoste). В автомобиль сажусь уже на взводе. В прессе вечно обсуждают мои контракты, но для меня вся эта ам-

¹ Открытый чемпионат Австралии по теннису — один из четырех турниров Большого шлема, ныне проводящийся в австралийском городе Мельбурне.

бассадорская тема — отличный повод не забивать себе голову лишними проблемами: что носить, на чем ездить и каким парфюмом пользоваться. Потому что по факту я не пользуюсь никаким, если Артур Мендес, мой менеджер, не напомнит мне.

Кстати, о нем.

— Ты был недоступен сутки, совсем из ума выжил? — как девка, визжит на французском в динамик, когда отвечаю на звонок. — Еще пару часов, и я собирался объявить тебя в международный розыск!

— Я выключил телефон, — отвечаю спокойно, наблюдая в окно за монотонно-серой картинкой, которая усыпляет. Я чертовски хреново спал.

После благотворительного матча, который по задумке организаторов должен был пройти в дружественной обстановке, но закончился скандальным удалением меня с корта, я не хотел говорить ни с кем. И без них все знал. Улетел на несколько дней раньше запланированной даты в Мельбурн, чтобы больше времени посвятить тренировкам.

— Я, мать твою, знаю, что ты выключил телефон! Ты хочешь, чтобы у меня случился инфаркт? Я человек в возрасте, между прочим!

— Тебе нет и пятидесяти, а инфаркт ты схватишь скорее потому, что чаще, чем следует, прикладываешься к бутылке коньяка.

— Хороший французский коньяк продлевает жизнь, чтобы ты знал, — слышу теперь усмешку в голосе менеджера. После следуют длинная пауза и театральный вздох. — И что это было, Алекс?

Это риторический вопрос?

— Не понимаю, о чем ты.

— Ты швырнул кроссовкой в зрителей.

— Меня освистывали и мешали сосредоточиться.

— Фирменной кроссовкой, между прочим, — продолжает Артур, игнорируя моя замечание. — Немцы оборвали мне телефон. Обещали расторгнуть контракт, если твои выходы продолжатся, а размер компенсации по нему...

— Они знали, с кем имеют дело, когда заключали его. Пусть идут на хрен, я увеличил им продажи спортивной линии втрое.

— Скажешь это в суде.

— Если понадобится, скажу. Меня вообще и Lacoste устраивают, — говорю, глядя на спортивные кеды, которым не изменял много лет. Но Артур уломал меня выйти на благотворительный матч в новых, чтобы порадовать очередных спонсоров.

— Ты оскорбил судью! Обозвал его жирным черным козлом...

— Это было не оскорбление, а констатация фактов.

— Пресса уже подхватила волну, тебя обвиняют в расизме и...

— Если бы он был белым, я бы назвал его жирным БЕЛЫМ козлом.

Как будто есть разница, какого цвета у тебя кожа, если ты козел, который подсуживает любимчику публики.

— Ты сломал дорожную ракетку и разбил нос болбою¹, когда послал тот мяч в стену после удаления!

— А вот за это я извинился! — перекрикиваю ударившегося в истерику Артура. — Не за ракетку, сколько бы она ни стоила. За пацана. Я дал его родителям твоим

¹ Молодой человек, обычно подросток, задача которого состоит в том, чтобы быстро поймать мяч и отдать его игрокам или судьям.

контакты, они свяжутся с тобой. Компенсируй им все, что потребуют, и отправь их куда-нибудь отдохнуть. Желательно туда, где есть Диснейленд. Пацан не виноват, что под горячую руку попался, я целился в жирного черного...

— Алекс, твою ж мать! — У меня выгибается барабанная перепонка от вопля менеджера. Убираю телефон чуть в сторону, пока тот продолжает надрываться. — Ты за один матч рушишь все, над чем я работаю месяцами. Это плохо для твоего имиджа. Какая кому разница, что ты выиграл турнир в Аделаиде, если ты снова замешан в скандале?

— Артур, — повторяю его тон. — Мне плевать на имидж. И ты знаешь, что победа в Аделаиде равным счетом ничего не значит. Клэптон молодец, но в финале я бы предпочел одолеть совсем другого человека.

Холли. Джеймс Холлиуэлл по прозвищу Святоша, первая ракетка мира и мой личный криптонит, чтоб его. Как бы отвратительно сопливо это ни звучало, но было чистой правдой: я проигрывал ему всегда и несмотря ни на что, будь то погода, настроение, фазы луны и расположение звезд. Я уступал ему на любом покрытии, в любой стране и на любом турнире. В Аделаиде его не было — он экстренно снялся из-за проблем со здоровьем. Но именно с ним состоялся скандальный благотворительный матч, собравший нуждающимся детям в далекой Африке баснословную кучу денег.

Наше противостояние «Дьявол против Святоши»¹ обозвали противостоянием добра и зла. А добро с бело-

¹ Игра слов, основанная на фамилиях персонажей De Vil и Hollywell. Devil (*пер. с англ.*) — дьявол. Holy (*пер. с англ.*) — святой

зубой сияющей улыбкой и блондинистой шевелюрой, по общественному мнению, всегда побеждает.

— Ты слишком заиклился на Холлиуэлле. Это плохо закончится.

Мне этот разговор уже порядком надоел. Даже если так, что с того? Раньше, пока я взбирался на вторую строчку в мировом рейтинге, как сквозь гребаные тернии к звездам, Артур был терпимее к моим выходкам.

— Фонду нужна была куча денег — они ее получили. Что снова не так? — цежу я.

Еще один невероятно раздражающий вздох. Артур мог бы стать тренером по выводящим из себя дыхательным упражнениям.

— У тебя не получится стать первой ракеткой мира, если ты будешь сам себе портить все. А вторых никто не помнит, знаешь ведь?

Молчу, потому что согласен. Но это не делает Артура менее противным.

— Ну и, конечно, меня бесит, что ты, как благотворитель, постоянно отваливаешь приличную часть призовых в дисциплинарку.

— Плевать.

— Мне не плевать! Я на проценте, если ты помнишь.

Напряжение исчезает так же внезапно, как повисло в трубке. Я не сдерживаю ироничный вздох, и Артур негромко смеется в ответ. Он отличный мужик и хороший менеджер. Почти единственный мой друг. Если бы еще не вел себя как насадка и не учил жизни, было бы зашибись.

— Слушай, тебе правда надо братья за голову, — продолжает он, но уже аккуратнее, будто двигаясь по минному полю, потому что знает — меня в любой момент рванет, и я повешу трубку. — У всех бывают чер-

ные полосы, но это зашло слишком далеко. Похоже на манию. Если это из-за запыстья...

— Это не из-за запыстья.

Артур продолжает, не слушая меня.

— Может, свернемся ненадолго? Подлатаешь себя, потренируешься спокойно, без давления. Я не хочу, чтобы второе место стало твоим лучшим достижением.

— Из-за статуса первого и твоего процента от возможных контрактов?

— Типа того, — с гулким смешком отвечает мне он.

Я не люблю подобную степень откровенности, но терплю иногда. От Артура и еще нескольких людей, которых можно пересчитать по пальцам одной руки. Все они часть моей команды и хотят для меня лучшего, поэтому я стискиваю зубы и вместо того, чтобы продолжать гавкаться, бросаю ему короткое «я в порядке».

— Тогда скоро увидимся, оставайся на связи, — просит он.

Я отключаю вызов, не ответив, смахиваю сообщение от младшего брата, который аплодирует очередной тупой видеонарезке, где меня выставляют законченным психом. Откидываюсь на сиденье, прикрываю глаза и пытаюсь заставить тело расслабиться, но бывает так, что не выходит — когда ты весь один большой спазм. Нервы натянуты, сердце долбится в ребра, а мозг давит на лоб. Мысли хаотично крутятся в голове, сталкиваются друг с другом, множатся.

Зациклился, плохо, имидж, скандал, далеко, мания, запыстье...

Не могу усидеть на месте спокойно. Стучу пальцами по кожаной обивке до тех пор, пока не срываюсь и не лезу в интернет, чтобы по запросу на свою фамилию найти завирусившееся видео полета моей кроссовки. А сра-